

В горной местности о дополнительных занятиях речи не шло, поэтому, едва наступил июнь, в школе объявили каникулы. Придя на свой последний урок, Тан Юйхуэй надолго замер перед ветхой деревянной дверью класса.

На высокогорье не хватало кислорода, зато солнца было в избытке. В такие моменты оно всегда неистово и властно заливало светом эту землю. Косая полоска утреннего света упала на Тан Юйхуэя. Наконец он глубоко вздохнул и толкнул дверь. Обычно все его движения были лёгкими и плавными, но на этот раз дверь распахнулась слишком резко.

Стоило ему войти, как ученики, всегда выглядевшие немного смущёнными из-за своей бедности и неопрятной одежды, посмотрели на него с неожиданной смелостью. Многие, уставившись на дверь, подняли головы. Но Тан Юйхуэй, как ни в чём не бывало, улыбнулся, не проронив ни единого лишнего слова. Он открыл потрёпанный учебник и начал последний раздел.

В математике последней темой был принцип Дирихле или принцип голубятни. Ещё вчера, готовясь к уроку, Тан Юйхуэй подумал, что она сложновата. Он окинул взглядом тесный класс, набитый разновозрастными детьми, и вспомнил, как самый младший из них на прошлом занятии застенчиво и гордо подбежал к нему, чтобы сообщить, что наконец-то выучил таблицу умножения. Тан Юйхуэю отчаянно хотелось показать им другой, широкий и огромный мир. И ещё больше хотелось увезти их туда. Но у него больше не было такой возможности.

В тесном обшарпанном классе Тан Юйхуэй вдруг совсем некстати ощутил на коже тепло рук Кан Чжэ. Он подумал, что он гораздо раньше этих детей понял вечную истину: каждый может пройти с тобой лишь часть пути. Но сейчас ему не хотелось, чтобы дети осознавали эту печальную правду.

Тан Юйхуэй вызвал к доске троих учеников разного возраста. Они, как всегда, немного стеснялись, и Тан Юйхуэй ободряюще улыбнулся каждому. Он осторожно достал из коробки четыре мелка и, стоя перед классом, мягко произнёс:

— Сейчас у учителя в руках четыре мелка, которые нужно раздать троим ученикам. Мне даже не нужно их раздавать, чтобы знать: среди них обязательно найдётся кто-то, у кого окажется как минимум два мелка. Кто-нибудь знает, почему?

В классе началось шевеление. Спустя мгновение какой-то мальчик очень тихо прошептал:

— Кажется, я понял.

Тан Юйхуэй улыбнулся и с мелками в руке подошёл к трём напряжённо стоявшим детям. Он поочерёдно дал каждому по одному мелку. Последний, четвёртый, он поднял на уровень своих глаз и, одарив учеников такой же по-детски непосредственной улыбкой, весело сощурился. Из-за парт донеслись удивлённые возгласы.

Тан Юйхуэй снова посмотрел на троих детей перед собой. Самый старший, встретившись с ним взглядом, смущённо отвёл глаза. Улыбнувшись, Тан Юйхуэй подошёл к нему и вложил в его руку последний мелок.

— Принцип голубятни — один из основных принципов комбинаторики, его ещё называют принципом ящиков, а первым его сформулировал один немецкий математик. Если я даю четыре мелка трём людям, то у кого-то из них обязательно будет как минимум два. Точно так же, если мы положим три яблока в два ящика, то в одном из ящиков непременно окажется два яблока. А если пять голубей залетят в четыре голубятни, то в одной из них у одного голубя обязательно появится сосед, верно?

Увидев, что на лицах одних учеников появилось озарение, а другие по-прежнему выглядели растерянными, Тан Юйхуэй улыбнулся и опустил руку, собиравшуюся писать на доске сложные формулы.

Мальчик, который только вчера выучил таблицу умножения, нахмурился так сильно, что, казалось, своими бровями он хотел поймать муху. Наверное, из-за своего юного возраста он, в отличие от других, не был скован постоянной робостью, вёл себя на уроках очень активно и часто задавал вопросы. На этот раз он, похоже, снова не до конца всё понял. Мальчик поднял руку и растерянно спросил:

— Учитель, если так рассуждать... вы говорили, что в Китае тридцать четыре провинции. А нас в школе сейчас вместе с вами тридцать пять человек. Значит ли это, что если очень постараться, то кто-нибудь из нас обязательно встретит вас в другом месте?

В классе мгновенно повисла тишина. Мальчик, кажется, и сам понял, что его вопрос не имеет никакого отношения к теме, и теперь робко, словно напроказничал, пролепетал:

— Я сказал что-то не то, да?

В этот момент прозвенел звонок. Тан Юйхуэй какое-то время молча стоял на месте. Ему хотелось рассказать этому мальчику о разнице между математическими допущениями и суровой реальностью. Хотелось объяснить, что у голубей не всегда есть выбор.

Да, если остальные тридцать четыре голубя приложат все силы, как минимум одна провинция стала бы точкой встречи для двоих из них. Но этим местом мог оказаться вовсе не Пекин, где он жил. Скорее всего, будущее этих голубей окажется иным: лишь единицы долетят до других гнёзд, а даже если и долетят — со временем забудут и тот урок математики, и того, кто строил для них воображаемые голубятни.

Тан Юйхуэй несколько мгновений стоял в тишине. Он с самого начала решил не устраивать никаких прощальных сцен: боялся, что его ученики расплачутся, но ещё больше боялся расплакаться сам. Он мысленно, одно за другим, перебрал нахлынувшие чувства, а затем медленно подавил их и очень мягко улыбнулся:

— Да, всё так. Но голубям не нужно слишком стараться. Учитель построил для вас гнёзда в каждой провинции. Куда бы вы ни прилетели, учитель сможет вас навестить.

Выйдя из класса, Тан Юйхуэй увидел мотоцикл Кан Чжэ, припаркованный у обветшалых школьных ворот. Сам Кан Чжэ курил, прислонившись к жёлто-коричневой кирпичной стене. Тан Юйхуэй давно не видел его курящим и, решив, что тот заждался, немного ускорил шаг. Заслышав его шаги, Кан Чжэ оттолкнулся от стены, выпрямился и затушил сигарету о кирпич. Тан Юйхуэй заметил, как взгляд Кан Чжэ метнулся куда-то за его спину, и, подойдя ближе, спросил:

— Что-то случилось?

Кан Чжэ внимательно изучил его лицо и усмехнулся:

— Ты сегодня ещё не плакал, да?

Тан Юйхуэй совершенно не понял, к чему он клонит, и принялся осторожно оправдываться:

— Нет, ещё не плакал. А что? Я очень старался. Не хотел плакать перед детьми. — Он настороженно добавил: — Ты что-то задумал?

На лице Кан Чжэ снова появилась его привычная улыбка, но на этот раз она была яркой и дерзкой, как у мальчишки с весёлыми морщинками в уголках глаз. Он ответил невпопад:

— Некоторые вещи лишь запаздывают, но не отменяются.

Тан Юйхуэй смотрел на него в полном недоумении, но Кан Чжэ взял его за плечи и развернул. При виде открывшейся картины уголки глаз Тан Юйхуэя мелко задёрнулись, и прежде, чем мозг успел что-либо осознать, слёзы, так долго сдерживаемые, миновали приказ сердца и хлынули первыми.

Все тридцать четыре ученика начальной школы посёлка Синду уезда Кандин Гардзе-Тибетского автономного округа провинции Сычуань стояли в ряд. Все в одинаково поношенной одежде, разного возраста и роста, они выстроились неровной линией, как холмы в долине. Они были всё такими же чумазыми и маленькими. Нехватка воды и бедность не могли подарить им благополучную, защищённую башню из слоновой кости.

Они были совсем юными, но не обладали теми безграничными, яркими возможностями, которые сулит молодость в общепринятом её понимании. И всё же они смотрели сияющими глазами на своего самого любимого, самого драгоценного учителя, которого они когда-либо знали. В их взглядах читались робость, тоска и безграничная привязанность, ведь именно он подарил им самую чистую, самую далёкую и самую светлую мечту, что вселяет надежду. Но они всё ещё держались на расстоянии — будто боялись приблизиться к прекрасной луне, словно странники, тоскующие по дому, что поднимают головы к далёкому, манящему свету.

Тан Юйхуэй, всхлипывая, с залитым слезами лицом помахал им рукой. И голуби тут же стайей слетелись к нему, словно уставшие птицы в родное гнездо, крепко-крепко обняв его. Солнце мягко окутало их, и эта сцена — сквозь шаблонные кадры репортажей и документалок — запечатлелась в памяти гор и степей — святая и прекрасная.

На обратном пути в гостиницу Тан Юйхуэй, сидя на заднем сиденье мотоцикла, всё ещё плакал. Он плакал почти беззвучно, и Кан Чжэ почувствовал это, лишь когда его рубашка на спине намочилась. Кан Чжэ остановил мотоцикл и с ноткой безысходности погладил Тан Юйхуэя по голове:

— Всё ещё ревёшь?

Глаза Тан Юйхуэя были страшно красными, а нос сморщился точь-в-точь как в первые дни их знакомства, когда его лицо облезало от ультрафиолета. Тан Юйхуэй, что было для него редкостью, нахмурился и очень упрямо, глухо пробормотал:

— Не твоё дело.

Кан Чжэ, глядя на него, рассмеялся:

— Это ведь не я довёл тебя до слёз. Учитель Тан, будьте благоразумны, а?

Тан Юйхуэй всё так же глухо и упрямо ответил:

— Когда вернусь, обязательно буду усердно учиться, заработаю много-много денег и всё пожертвую сюда.

— Тогда поговори с моим отцом, — усмехнулся Кан Чжэ. — Он точно будет рад.

Тан Юйхуэй промолчал. Через некоторое время его рыдания утихли, и он наконец успокоился. Кан Чжэ, сам не зная почему, тоже на мгновение замолчал. Он отошёл на шаг и лишь потом медленно произнёс:

— Тебе уже двадцать три. Как ты до сих пор можешь говорить такое?

— Разве это зависит от возраста? — недоумевая, спросил Тан Юйхуэй. — Наоборот, только став самостоятельным, получаешь право на такие слова.

Кан Чжэ вздохнул, словно о чём-то сокрушаясь.

— Как бы это выразиться... В некотором смысле ты действительно уникален.

Тан Юйхуэй моргнул. Кан Чжэ присел рядом на корточки:

— Мне всегда было любопытно: как тебя, которого почти не любили, умудрились так бережно сохранить?

Тан Юйхуэй сразу понял, что это не комплимент. Ему захотелось возразить, но подходящих слов не нашлось, и он только буркнул:

— Я не знаю, — немного неуверенно, с растерянностью в голосе, он добавил: — Но если кто-то и защищал меня... наверное, это была сестра.

Кан Чжэ повернул голову и посмотрел на него с непередаваемым выражением.

— Я думал об этом, — тихо произнёс Тан Юйхуэй. — Если бы сестра не умерла, а я бы всё равно

родился, возможно, в той семье она единственная любила бы меня. Ведь, насколько я знаю, она была... очень, очень, очень доброй.

Кан Чжэ на секунду задумался и понял: пожалуй, так оно и было бы. Раз уж родители Тан Юйхуэй не смогли его полюбить, то в этом несуществующем сценарии единственным источником тепла действительно могла стать наивная, добрая и не обделённая любовью сестра.

— Поразительная у вас в семье генетика: родители до жути расчётливые, а брат с сестрой — оба наивные, — бросил Кан Чжэ, беззаботно растянувшись на траве. — Да ещё и такие самоотверженные. Настоящее чудо, что такая возвышенная доброта передаётся через воображение.

Тан Юйхуэй сначала растерянно обдумывал его слова, не понимая, почему Кан Чжэ снова говорит с таким едким сарказмом. Через мгновение он медленно моргнул.

— А-Чжэ, ты что, злишься?

Кан Чжэ, которому было лень повернуться, лениво протянул:

— С чего бы мне злиться?

— Ты злишься, что я так легко простил сестру, — улыбнулся Тан Юйхуэй, — и даже сделал её своим ангелом-хранителем. Ты считаешь доброту моей слабостью. Возможно, даже думаешь, что она глупа и бессмысленна.

Кан Чжэ посмотрел на него, и уголки его глаз изогнулись в улыбке.

— Учитель Тан, не забывайте, я буддист. Я никогда не назову доброту бессмысленной.

Тан Юйхуэй, словно за что-то ухватившись, радостно улыбнулся:

— Нет, именно так ты и думаешь. Наверняка ещё и посмеиваешься в душе над моей глупостью. А-Чжэ, ты именно такой. Ты просто уваливаешь от ответа.

Кан Чжэ безэмоционально смотрел на него какое-то время и вдруг понял, что спорить бессмысленно. Он вообще не понимал, зачем ввязался в этот дурацкий разговор. Он кивнул:

— Да, ты прав.

Тан Юйхуэй запнулся, опустил голову и после паузы тихо сказал:

— А-Чжэ, тебе претит наивность. Ты ненавидишь бескорыстную самоотдачу, потому что считаешь, что нести за это ответственность — слишком хлопотно. Но почему, а-Чжэ? Ты не такой, как я. Тебя любит так много людей, ты вырос в этой любви. Так почему же ты не любишь сам себя?

— Нет никакого «почему», — помолчав, ответил Кан Чжэ. — Я просто такой. Не все такие, как ты. Для тебя доброта — дар. А для меня — лишь выбор.

— Но знаешь, а-Чжэ, — тихо сказал Тан Юйхуэй, — я ведь не всегда был таким наивным. Было время, когда я ненавидел свою сестру. И мысль о том, что я живу под её защитой, пришла ко мне совсем недавно.

Он медленно повернул голову к Кан Чжэ и неторопливо продолжил:

— Я считаю, что количество хорошего в жизни отмерено. И когда ты сталкиваешься с чем-то прекрасным, ты должен простить то, что долго не давало тебе покоя, — только так можно стать достойным этого счастья.

— Искупить зло добром, — криво усмехнулся Кан Чжэ, уходя от сути. — Неудивительно, что мои родители тебя так полюбили. Ты подходишь на роль верующего даже больше, чем многие тибетцы.

Повисла тишина. Тан Юйхуэй, спрятав разочарование, с облегчением вздохнул. Разговор зашёл слишком далеко, и ему стало неловко — даже страшно. Он больше не хотел принуждать Кан Чжэ к ответу.

— Ну хорошо, тогда будем считать, что я... — начал было он.

Но Кан Чжэ внезапно его прервал:

— Если ты так хочешь знать, завтра я отвезу тебя в одно место.

Тан Юйхуэй застыл.

— Куда?

Он посмотрел на Кан Чжэ сверху вниз. Тень от облаков наполовину скрывала его лицо, делая его совершенно бесстрастным.

— Увидишь, — ровным голосом ответил Кан Чжэ. — Поехали. Покажу тебе, чем заканчивается доброта.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/12810/1130188>